

УДК 330.111.62

И.А. КАБАШЕВА,

кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

СОБСТВЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

В общественно значимых масштабах социально-экономическая справедливость выступает в качестве правильности и целесообразности складывающихся отношений собственности и их трансформации на определенном историческом этапе. В российской экономике эти вопросы приобретают особую важность и актуальность, поскольку исторически сложившийся и господствующий общинный менталитет населения выдвигает зачастую на первый план социальную справедливость даже в ущерб экономической эффективности. В представленной статье раскрываются основные направления формирования общественно значимой формы присвоения ценностей.

В условиях объективно действующей тенденции гуманизации социально-экономического развития естественной необходимостью выступает исследование отношений собственности и их трансформации с точки зрения влияния на общественное благосостояние. Гуманизация экономических отношений и ведущая роль человека и его интересов в общей системе присвоения и собственности становится императивом сегодняшнего времени и с этих позиций свидетельствует о наличии возможностей реализации норм социальной справедливости в обществе. В общественно значимых масштабах именно социально-экономическая справедливость выступает в качестве правильности и целесообразности складывающихся отношений собственности и их трансформации на определенном историческом этапе. Отсюда социально-экономическая справедливость практически реализуемых отношений собственности выступает в роли своеобразного единого стандарта, применяющегося к имущественно неравным экономическим субъектам и объектам собственности.

Одновременно с этим хотелось бы отметить, что, несмотря на весомые успехи ученых-экономистов в формировании и развитии системной парадигмы исследования собственнос-

ти, диалектическое единство экономического и социального при рассмотрении вопросов ее трансформации не нашло адекватного отображения в научно-исследовательских работах. Так, по мнению ректора Российской экономической школы С. Гуриева, имеются десятки исследований по поводу эффективности процессов приватизации для деятельности компаний, однако "что происходит с общественным благосостоянием, приводит ли приватизация к увеличению неравенства, к другим проблемам, связанных с благосостоянием, тут исследований гораздо меньше" [1].

Социальные аспекты присваивающей деятельности экономических агентов, находящие свое отображение в категориях социальной справедливости и степени восприятия обществом результатов преобразования собственности, в конечном итоге, определяют легитимность и возможность эффективной реализации отношений собственности. В российской экономике эти вопросы приобретают особую важность и актуальность, поскольку исторически сложившийся и господствующий общинный менталитет населения вызывает "...недоверие к праведности богатства или возможности получить его честным путем – посредством труда" [2, с. 45], выдвигая

на первый план социальную справедливость даже в ущерб экономической эффективности.

Действительно, трудовой способ присвоения экономических благ создает наиболее благоприятные условия для рационального и справедливого их распределения и использования. "Трудовая природа собственности формирует понятное всем "естественное право" труженика пользоваться и распоряжаться созданной им ценностью по своему усмотрению. Если какое-либо благо создается трудом одного экономического агента, то другой субъект хозяйственных отношений изначально должен относиться к этому благу как "не к своему" [3, с. 21]. Это положение выступает основанием методологического постулата, в соответствии с которым в отношениях собственности изначально заложена "экономическая справедливость": экономическое благо является собственностью субъекта, поскольку оно есть результат его труда.

Данное мнение являет собой продолжение идеи, высказанной классиками, о том, что "...труд есть первоначальный источник всякой собственности" [4, с. 110]. Способом создания ценностей и обеспечения их принадлежности является целесообразная деятельность посредством реального соединения труда с условиями его осуществления. Поэтому приоритет трудового способа присвоения экономических благ выступает фундаментом достижения социальной справедливости в обществе и видится одним из базисных в общей конструкции присваивающей деятельности экономических агентов.

Обеспечение приоритета трудового способа присвоения экономических благ в обществе весьма многоплановый и сложный вопрос, имеющий гораздо более глубокие корни, нежели это представляется на первый взгляд. Теоретико-методологическая основа достижения данной задачи зиждется на анализе взаимосвязанного участия в воспроизводственном процессе собственников имущественного и трудового капиталов, а также возможности персонификации рабочей силы в качестве товара. Трудовые и интеллектуальные способности человека составляют неотчуждаемые объекты, однако при-

своение созданных ценностей осуществляется собственником имущественного капитала, который сохраняет за собой право как распоряжения этим капиталом, так и участия в управлении предприятием. Напротив, собственник интеллектуального капитала, участвующий в процессе создания стоимости, не имеет права ни на участие в управлении, ни на долю в полученном компанией доходе. Равнозначное участие в процессе создания ценности собственников имущественного и интеллектуального капиталов с объективной необходимостью требует столь же равнозначного их участия в присвоении созданных ценностей и распределении дохода предприятия. Здесь автор солидарен с мнением В. Каменецкого и В. Патрикеева, настаивающих на новом понимании собственности и введении "...новой системы производственных отношений, основанной на взаимодействии равноправных партнеров – владельцев интеллектуального, трудового и имущественного капитала. Утвердить приоритет интеллекта как важнейшего фактора производительных сил..." [5, с. 304].

Названные авторы идут дальше в своих суждениях и убедительно доказывают, что общепринятая догма о рабочей силе как товаре превратила данную категорию в "рабочий скот", полностью утративший "интеллектуальные начала в ее определении все-таки присутствующие", что, в свою очередь, позволило экономически обосновать отчуждение работников от средств производства и участия в управлении и присвоении созданных ценностей.

В стремлении преодолеть существующее несоответствие в США, например, созданы экономические условия, при которых каждый работник при желании мог бы стать держателем акций, что предоставляет ему хоть и формальное, но право на участие в управлении предприятием. Владелец трудового и интеллектуального капитала становится владельцем части имущественного капитала, что в контексте данного исследования делает возможным достижение социальной справедливости и уменьшение имущественного расслоения в обществе. Вообще для американской социально-экономической

модели характерна широкая распространенность акционерной собственности, где массовый акционер является одновременно и массовым наемным работником, что делает, по мнению многих экспертов, капитализм "народным", а большинство населения страны – реальными частными собственниками [6, с. 171].

К тому же в США в большей степени, чем в других странах, уделяется внимание деятельности предприятий с собственностью работников (полностью или частично принадлежащим "наемным" работникам). Одновременно с этим высокий уровень оплаты труда выступает весомым мотивационным фактором предоставления работником своего интеллектуального капитала и покупки акций компании.

В Японии существует программа участия работников в акционерной собственности корпорации "Мошикабуй", которой охвачено более 90% всех предприятий, зарегистрированных на фондовых рынках страны.

Совершенно иную ситуацию можно наблюдать в российской экономике, где доля собственности работников в акционерных обществах доведена до столь минимального размера, что лишает их возможности участия в акционерном капитале. Как показывают многочисленные эконометрические исследования ведущих российских экономистов (Т. Долгопятова, С. Авдашева, Р. Капелюшников, Н. Демина и др.), отечественные компании отличает высокий уровень концентрации собственности с дальнейшей степенью ее возрастания и всестороннее отчуждение работников от участия в собственности приватизированных предприятий.

Автору близко мнение, высказываемое отдельными российскими экономистами относительно того, что преодоление сложившейся ситуации с целью реализации принципа социальной справедливости в отношениях собственности возможно посредством формирования коллективных (народных) предприятий [7, с. 2-6] и публичных корпораций с широким участием населения в их собственности в качестве миноритарных акционеров. Формирование таких корпораций может быть осуществлено посредством национализации части крупнейших рос-

сийских предприятий с возможностью их последующей вторичной приватизации на реальных рыночных условиях. Однако практика выборочной национализации, осуществляемая силовыми методами, что имело место в случае с "ЮКОСом", недопустима и, стало быть, настоятельно необходимо принятие законодательных актов о национализации, внесенных в Государственную Думу (14 законопроектов), но отвергнутых по разным причинам [8, с. 127]. Развивающийся в последние годы процесс государственной экспансии в крупных компаниях нефтяной, автомобилестроительной, авиационной, судостроительной и др. отраслях протекает опять-таки вне институционально-правового поля, что идет вразрез с принципом справедливости, создавая благоприятную среду для преимущественного положения одних лиц перед другими, ставя во главу угла отдельный частный интерес, обладающий произвольным содержанием и определенными притязаниями.

Социальная детерминанта присваивающей деятельности предполагает интегрирующее единство интересов человека как собственника трудового и интеллектуального капитала и как члена общества. Социализация собственности, преломляющаяся в понятие социально-экономической справедливости, на общественном уровне приобретает несколько иные характеристики. Выделение последних представляется достаточно сложным в силу многогранности категории "справедливость" и широты охвата включаемых в ее познание явлений и процессов, что с объективной необходимостью обуславливает привлечение элементов морально-этического, философского, правового и иных подходов, требующих применения междисциплинарности к исследованию вопросов социально-экономической справедливости отношений присвоения.

Предпримем попытку определения терминологической сущности категории "справедливость", преломляя этот анализ к выявлению направлений формирования общественно-значимой формы присвоения частных ценностей.

Начиная с философских трактатов мыслителей Древней Греции, понятие справедливости отождествлялось с понятием равенства и

права. Справедливость в философских рассуждениях Аристотеля имеет двойное толкование, которое тождественно по существу, но различно по проявлению. С одной стороны, справедливо все то, что совершается посредством добродетели (душевное качество), с другой – справедливость выражает отношение одного человека к другим и "...состоит в воздаянии другому равным" [9, с. 91].

В самом общем виде справедливость предстает как середина между излишком и недостатком, и в этом смысле она равномерна по отношению к известным предметам и лицам. Основываясь на трактовке справедливости как некой равномерности, Аристотель выдвигает два вида ее проявления: справедливость распределяющую и справедливость уравнивающую. Уяснение содержания этих понятий необходимо для дальнейшего рассмотрения вопросов легитимности итогов российской приватизации и значимости их признания на общественном уровне. Распределяющая справедливость – это проявление справедливости при распределении всего того, что может быть разделено между членами общества, и здесь возможно как равное, так и неравное наделение различных лиц соответствующими благами. Последнее означает владение равных людей неравным или неравным членам общества уделено равное, что имеет своим следствием тяжбы и споры.

Распределяющая справедливость закономерно выдвигает вопрос нахождения критерия равенства или неравенства людей. Аристотель решает его в соответствии с принципом достоинства, определяемого пропорциональностью вклада или взноса в общее дело того или иного гражданина. При этом подчеркивается, что мерило достоинства не все люди видят в одном и том же: "...граждане демократии видят ее в свободе, олигархии – в богатстве, а аристократии – в добродетели" [9].

Уравнивающая справедливость проявляется в уравнивании того, что составляет предмет обмена и используется при возмещении вреда, преступления и т.д., тем самым она выступает серединой ущерба и выгоды, ограничивая произвол одного лица над другим.

Аналогичное объяснение справедливости встречается у Платона в трактате "Государство": "...каждый имеет и делает свое, так чтобы никто не имел чужого и не лишился своего" [10]. Следовательно, справедливость, по Платону, также предполагает "надлежащую меру", определенное равенство. Одновременно с этим справедливость противопоставляется силе и насилию, поскольку благодаря легитимации представлений о справедливости то или иное притязание становится правовым и входит в обычай, становясь общепринятой нормой поведения [11, с. 399]. Писанные законы, сообразуемые справедливостью (справедливые законы), характеризуются всеобщностью, предполагающей равенство, – все граждане находятся под защитой закона и подчиняются ему.

Понимание справедливости как отношения между людьми развивается Эпикуром: "Справедливость сама по себе не есть нечто, но в сношениях людей друг с другом в каких бы то ни было местах всегда есть некоторый договор о том, чтобы не навредить и не терпеть вреда" [12, с. 217].

Ф. Аквинский справедливость в отношениях собственности определял как "постоянное и неизменное стремление каждому воздать должное" [13]. Отсюда можно заключить, что еще со времен Древней Греции термин справедливость употреблялся в социально-экономическом значении имущественного и правового равенства.

Некоторые российские экономисты предлагают условно разделить всю систему отношений в сфере присваивающей деятельности исключительно "...на две группы: а) правовые, то есть справедливые (правильные, честные)... и б) неправовые отношения либо "недостаточно" правовые" [3, с. 243]. Более того, в соответствии с этим выдвигается "...важнейший критерий социально-экономической эффективности реформирования не только частной, но и любой другой собственности: критерий справедливости или правовая проверка процесса и результата преобразований системы собственности" [3, с. 243]. Как считает автор, данное мнение страдает однобокостью, поскольку законода-

тельно-правовая база всего лишь фиксирует сложившиеся отношения и формы присвоения экономических благ и, стало быть, является производной социально-экономических отношений между людьми и вне этих отношений не может возникнуть. Более того, "выпячивание" правовой характеристики в ущерб социально-экономическому наполнению анализируемой категории приводит к ее умозрительному сжатию, оставляя за границей научного анализа экономический аспект справедливости в отношениях собственности, проявляющийся в процессе формирования общественной формы присвоения частных ценностей.

Хотя названные выше авторы одобряют институционализацию отношений присвоения (отчуждения) частных либо других благ, куда "общественная форма" входит как часть в целое, одновременно с этим они называют весьма спорным утверждение о том, что институционализация отношений присвоения, не доведенная до общественного уровня, формирует "суррогат" собственности [3, с. 242]. По мнению автора, именно общественная форма присвоения частных ценностей, свидетельствующая об общественном признании формирующихся отношений собственности, является одновременно базовой характеристикой институционализации данных отношений. Поэтому нельзя говорить об институционализации отношений присвоения без их "доведенности" до уровня всего общества и, стало быть, замыкать этот процесс исключительно только правовыми критериями. Здесь автор разделяет мнение Е. Борьяка относительно того, что "...появление законов и других подзаконных актов, как показывает практика преобразования системы собственности в России, может и не приводить к созданию общественно-правовой формы присвоения частных ценностей" [14, с. 62]. Как считает автор, социально-экономическая справедливость в отношениях собственности достигается посредством институционализации общественной формы присвоения частных ценностей, предполагающей формирование условий и "правил игры" для высокоэффективного присвоения не только на локальном, но и на обществен-

ном уровне. Институционализация общественно-значимой формы присвоения предполагаемых ценностей подразумевает выработку системы общих норм и правил, определяющих содержание принадлежности и присвоения экономических благ, конституирующих базис собственнических отношений в обществе. Если данные ценности воспроизводятся расширенно, то можно констатировать, что сформирована высокоэффективная институционализированная система общественно-значимой формы присвоения. Тем самым задается вектор социально справедливого развития отношений собственности, предполагающего функционирование присваивающей деятельности индивидов в институционализированных рамках единого общего правила, а не в виде исключения из него (путем предоставления законных привилегий и льгот) в каком-то определенном для данного конкретного случая статусе и режиме.

Данное положение выступает концептуальным по той причине, что только такие отношения присвоения, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно терминологической сущности справедливости, правильными; те же формы, при которых имеется в виду только личное благо и обогащение отдельных лиц, ошибочны и представляют собой отклонения от справедливых. Достижение справедливости не представляется возможным в условиях, при которых собственность оказывается у незначительной части общества, за счет всех остальных исходя из исключительности первых в силу возможности использования ими прав-привилегий. Этими обстоятельствами продиктовано желание большинства российского населения компенсировать допущенную в результате широкомасштабной приватизации несправедливость наложением на новых собственников различных материальных санкций [15]. Таким образом, институционализация общественно-значимой формы присвоения ценностей является выражением признания и утверждения равного права каждого индивида на присвоение созданных ценностей, что способствует достижению социальной справедливости и легитимации частной собственности в целом.

Сопряженным с этим является вопрос абсолютного характера частной собственности и возможности ее институционально-правового ограничения. В этом вопросе большое значение приобретают национально-культурные традиции общества. Рассматривая схожие типы экономических систем промышленно развитых стран, можно наблюдать значительные различия в их институциональной организации, опирающейся на режим собственности. Например, сравнивая близкие по уровню социально-экономического развития США и Европу, в которых также схожие Конституции в отношении развития свободного рынка, можно заметить достаточно существенное институциональное различие этих государств по характеру и последствиям реализации отношений собственности: государствам в Европе позволено на порядки больше, чем в США.

Западная экономическая система развивалась под воздействием благоприятных исторических факторов – длительный перерыв в череде варварских вторжений, наследие античности и эпох Возрождения, Просвещения и Реформации и т.д., утверждая такие базовые ценности, как частная собственность, защита прав личности и свобода, упорный труд и накопление капитала, предприимчивость и др. Отличительной особенностью сложившейся "мягкой" модели капитализма в Европе, по сравнению с США, является бóльшая ориентация на социальную защиту граждан посредством широкого государственного финансирования социальной сферы. Так, в Швеции через государственный бюджет перераспределяется государственных расходов и трансфертных платежей на сумму, превышающую 60% ВВП, во Франции – 48% ВВП, в Великобритании – 38% ВВП, тогда как в США только лишь в последние годы этот размер вырос до 30% ВВП [6, с. 529].

При этом столь значительная нагрузка на государственный бюджет европейских стран в сфере социальных расходов имеет следствием бóльшую общественно-социальную нагрузку на частный бизнес, чем в США. "Современный европейский опыт показывает, что защищается использование частной собственности в обще-

ственно-значимой форме" [1]. Получается, что абсолютный характер частной собственности, означающий ее исключительность и обязанность других лиц не вторгаться в полномочия собственника, отнюдь не означает ее неограниченность. В современное время абсолютный характер собственности объективно предполагает ее ограничение в интересах всего общества, однако это стеснение должно быть наименьшим из числа всех возможных ограничений. "Частный сектор не должен сталкиваться ни с какими запретами, кроме законодательных, направленных на достижение общего блага, справедливости..." [16, с. 43]. При этом мы отдаем себе отчет в том, что признание какого-либо ограничения собственности под видом общественного интереса предполагает элемент условности, социальной конвенции. Но тем не менее, согласно широко распространенной в развитых странах новой теории социальной справедливости Дж. Ролса, общество содействует только тем преуспевающим лицам, которые помогают менее преуспевающим членам общества, а социальное неравенство в обществе должно быть устранено в интересах всех его членов [17, с. 66]. Отсутствие институционально-правовых ограничений прав собственности и механизмов принуждения к социально-продуктивной деятельности в период реформирования российской экономики имело следствием использование частного влияния с целью извлечения дохода из активов общества рентным путем. Выгодной становится не производительная, а перераспределительная деятельность, поскольку источник доходов связывается не с повышением производительности факторов производства, а с рентой, получаемой за счет перераспределения собственности и общественных доходов. Логическим результатом этого становится возникающий отрыв доходов собственника от производительности используемых им факторов производства, в том числе рабочей силы.

Не останавливаясь на факторах, обусловивших формирование российской социально-экономической модели, хотелось бы выделить ее специфические национальные черты, находящие выражение в приоритете надэкономических

ценностей, силе социальных традиций, особом отношении к государству и его интересам как к высшей ценности. Социальная традиция России, в отличие от европейской, нашла свое отражение в обостренном чувстве социальной справедливости у людей, тяге к коллективным формам собственности, важной роли социально-духовных стимулов к труду, ориентации на общественный идеал жизнеустройства и т.д.

По этим причинам, думается, любые преобразования отношений собственности в отечественной экономике проходили под "прикрытием" щита достижения социальной справедливости в обществе.

Более того, российская историческая традиция была связана с особой ролью государства, которая еще больше возрастала в периоды реформирования. Ведь именно государство в России выступало инициатором и главным субъектом проведения социально-экономических реформ. В представлении российского народа государство мыслилось в широких координатах духовных, социальных и экономических ценностей. Большинство россиян (до 80%) вплоть до настоящего времени устойчиво тяготеют к смешанной экономике с сильной регулирующей ролью государства и его доминирующим присутствием в большинстве стратегических отраслей и отраслей социальной сферы [18, с. 35], тогда как идеалы личной ответственности, индивидуальной свободы и инициативы исповедуют всего лишь около четверти населения страны [18, с. 37].

Избранный курс трансформации отечественной экономической системы в направлениях разгосударствления и приватизации имел логическим следствием формирование докапиталистических социально-экономических отношений, не имеющих ничего общего с нормами справедливости. Ваучерная приватизация, провозглашенная "народной", представлялась в качестве гарантии равных стартовых возможностей, а на практике, по сути, была привилегией для весьма небольшой части общества, готовой к присвоению бывшей общественной социалистической собственности. Российская приватизация, осуществленная в ущерб канонам соци-

альной справедливости, имела следствием катастрофически выросшее имущественное неравенство в обществе и осознанное убеждение большинства населения в нечестном способе завладения отдельными лицами бывшей общенародной собственностью. Как справедливо заметил С. Гуриев, "...люди не верят в право собственности – тех, кто получил собственность в результате приватизации... но если мы посмотрим на каких-нибудь крупных предпринимателей из тех, кто работает в секторе IT или розничной торговли, то народ к ним относится нормально. Они видели, что эти люди начали с нуля" [1]. Наглядным подтверждением этого служат данные Института комплексных социальных исследований РАН, по общероссийской выборке показывающие, что более 80% российского населения твердо убеждены в необходимости общенародной собственности на природные богатства страны, тогда как готовность признать право собственности на эти ресурсы за теми, кто стал их официальным собственником в результате осуществленной приватизации, составило лишь 1,5% опрошенных [18, с. 34]. Стало быть, справедливость в отношении собственности изначально определяется характеристиками ее приобретения и только лишь трудовое присвоение собственности воспринимается большинством россиян как подлинно справедливое.

Вопросы общественно-значимой формы присвоения частных ценностей в России приобретают особую важность, характеризую глубину и фундаментальность процесса развития общественного сознания и своего рода неприятие и отторжение той модели экономического развития, которая избрана и реализуется в настоящее время.

Не останавливаясь на анализе исходных предпосылок и целесообразности осуществления "другой" приватизации (этому вопросу посвящена обширная научно-практическая литература), хотелось бы отметить, что нелегитимность частной собственности в общественном сознании большинства российского населения будет выступать своего рода "разменной монетой" в начинании любого перераспределения

собственности или даже политической борьбы. Следовательно, социальный аспект справедливости перераспределения прав собственности имеет гораздо более глубокие корни в объяснении возможных причин их "бесконечного передела" (термин употребляемый К. Сониным [19, с. 4-18]).

Таким образом, автором статьи обуславливается настоятельная необходимость пересмотра направлений реформирования отношений собственности в российской экономике с точки зрения адекватности их восприятия обществом и, как следствие этого, достижения социально-экономической справедливости как наивысшей общественной ценности.

Однако разрешение этого вопроса является достаточно сложным и неоднозначным, поскольку наталкивается на множество социально-экономических отношений, отражающих восприятие обществом явлений и событий через призму должного. К тому же по мере развития общества претерпевает изменения само понятие справедливости. В связи с этим учеными предлагается разграничивать в категории справедливость неизменную основу, выступающую в виде глобальной справедливости общечеловеческого порядка [20, с. 54], обеспечивающего возможность реализации широкого спектра прав собственности и свобод, самореализации личности и достойного существования человека [16, с. 15]. С другой стороны, конкретную составляющую, претерпевающую изменения в ходе исторического развития, "пробуждающее понимание того, что существующие общественные установления неразумны и несправедливы, является лишь симптомом того, что в методах производства и в формах обмена незаметно произошли такие изменения, которым уже не соответствует общественный строй, скроенный по старым экономическим условиям" [21, с. 278].

При этом можно заметить, что динамика изменения экономических отношений (базисом которых являются отношения собственности) вызывает изменения в конкретном значении справедливости и в этом процессе. Как считает автор, первостепенная роль отводится уров-

ню государственных гарантий (механизмов защиты) прав собственности и обеспечению условий для их полноценной реализации, создающей барьеры на пути "бесконечного передела" собственности. Думается, по этой причине еще Цицерон отмечал изначальную связь государства и собственности, заявляя, что причиной образования государства является охрана собственности. Нарушение неприкосновенности собственности Цицерон характеризует как осквернение и нарушение справедливости.

Справедливость подразумевает некий общечеловеческий порядок, обеспечивающий не только благоприятное имущественное существование человека в обществе, но и безопасность его жизни и собственности по причине того, что последняя отождествляется с властью человека над самим собой, своими поступками и своей свободой. Каждый человек по закону природы имеет право отстаивать "...свою собственность, то есть жизнь, свободу и имущество" [22, с. 50]. Иначе говоря, защита собственности сродни защите свободы, тогда как ограничение собственности выступает одновременно ограничением свободы. Неизменная воля давать каждому его собственное, а последнее возможно лишь там, где есть государство и принудительная гражданская власть, "...прежде чем слова справедливое и несправедливое могут иметь место, должна быть какая-нибудь принудительная власть, которая угрозой наказания... от нарушения людьми соглашения, принуждала бы в одинаковой мере людей к выполнению их соглашений и упрочила бы ту собственность, которую люди приобретают путем взаимных договоров..." [23, с. 127].

В дальнейшем данный постулат активно развивается и своей вершины находит в работах немецкого ученого Гегеля, заявлявшего, что люди равны в одинаковом праве на частную собственность, но не в размере владения собственностью. Требование имущественного равенства воспринимается им как неразумная, пустая и поверхностная рассудочность [24, с. 98-121].

Напротив, длительное время в отечественной научной литературе под воздействием социалистической идеологии возобладала идея

отождествления справедливости исключительно только со справедливым распределением экономических благ – "распределительная справедливость" [25, с. 99]. "Социалистическую социальную справедливость составляла определенная совокупность принципов распределения материальных благ" [26, с. 9-17]. Впоследствии исторический опыт наглядно продемонстрировал недостатки "распределительной справедливости" и ее идеологического фундамента в виде ограничения прав личной собственности и идентичности интересов государственной бюрократии с общественными интересами.

Автор считает, что достижение социальной ориентированности отношений собственности не определяется исключительно задачами ее справедливого распределения. Достичь подлинной справедливости в отношениях собственности невозможно, игнорируя создание институциональных условий для полноценной реализации прав собственника и гарантий их защиты на государственном уровне. Безусловно, достижение социальной справедливости в отношениях собственности есть объективный процесс, не зависящий от интересов конкретного субъекта, что возможно только в условиях специфицированных прав собственности и гарантий их защиты на государственном уровне. Специфицированные права собственности, легко (с минимальными транзакционными издержками) защищаемые и обмениваемые, формируют своего рода границы, препятствующие силовому перераспределению экономических благ и прав собственности на них между различными социальными группами. Эти границы, по мнению ряда российских экономистов (В. Тамбовцева, Е. Ясина, К. Сонина, Д. Черного и др.), будут не только способствовать эффективному режиму передачи собственности, но и обуславливать легитимизацию и подведение итогов приватизации.

Таким образом, разделяя системный взгляд на проблему справедливости в отношениях собственности посредством становления общественно-значимой формы присвоения ценностей, можно констатировать следующее:

- необходимо обеспечение приоритета трудового способа присвоения благ посредством становления системы производственных отношений равнозначного и равноправного участия собственников имущественного и трудового (интеллектуального) капиталов в присвоении созданных ценностей и распределении доходов;

- необходима институционализация общественной формы присвоения частных ценностей, предполагающей формирование условий и единых "правил игры" для высокоэффективного присвоения на частном и общественном уровне. Абсолютный характер и полнота прав собственности не исключает их институционально-правового ограничения и создания механизмов принуждения к социально-продуктивной деятельности;

- обеспечение условий для полноценной реализации прав собственности и их государственных гарантий (механизмов защиты), выступающих своего рода барьерами на пути "бесконечного передела" собственности. Только интегрирующее воздействие комплекса рассматриваемых нами факторов и условий позволит достичь реальной социальной справедливости в отношениях собственности.

Список литературы

1. Научный семинар Е. Ясина "Права собственности, приватизация и национализация в России" 10.08.2006 / www.liberal.ru/sitan_print.asp?Rel=165
2. Федотова В., Кросс Ш. Православие, Вебер и новый русский капитализм // *Общественные науки и современность*. – 2006. – № 2.
3. Собственность в системе социально-экономических отношений: теоретико-методологические и институциональные аспекты; под ред. В.И. Жукова. – М.: Российский гос. социальный ун-т, 2005.
4. Смит А. Исследование о причинах и природе богатства народов; пер. с англ. – М., 1935. – Т. 1.
5. Каменецкий В.А., Патрикеев В.П. Собственность в XXI столетии. – М.: ЗАО "Изд-во "Экономика", 2004.
6. Социально-экономические модели в современном мире и путь России. В 2-х книгах. Книга 2. Социально-экономические модели (из мирового опыта); под ред. Микульского К.И. – М.: ЗАО "Изд-во "Экономика", 2005.
7. Ашинов С., Букреев В., Рудык Э. Коллективные предприятия в России: проблемы и перспективы // *Управление собственностью*. – 2006. – № 2.

8. Варнавский В. Отечественный госсектор в условиях системных изменений // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – №3.
9. Аристотель. Этика. – СПб, 1908.
10. Перевод немецкого исследователя Г. Райнера с учетом терминологии оригинала. Reiner H. Die Hauptgrundlagen der fundamentalsten Normen des Naturrechts. Basel, 1976. – S. 2.
11. Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997.
12. Материалисты Древней Греции. – М., 1955.
13. B.W. Dempsey in St. Thomas Aquinas, Summa Theologica, III (New York, 1948). – P. 3357.
14. Боряк Е. Частная собственность как социально-экономический фактор формирования гражданского общества в России: дис. ... канд. экон. наук. – М., 2003.
15. Андреев А. Частная собственность глазами россиян: фактор развития или источник социальных потрясений (по данным эмпирических исследований)? // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. – 2005. – № 3 (39).
16. Власова М. Право собственности в России. – М.: Эксмо, 2007.
17. Ролс Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995.
18. Тихонова Н. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Общественные науки и современность. – 2006. – № 1.
19. Сонин К. Институциональная теория бесконечного передела // Вопросы экономики. – 2005. – № 7.
20. Бербешкина З. Справедливость как социально-философская категория. – М., 1983.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. – Т. 20.
22. Локк Д. Избранные философские произведения. Т. 2. – М., 1960.
23. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М., 1936.
24. Гегель Философия права. – М., 1990.
25. Франк С. Этика нигилизма: Сочинения. – М., 1990.
26. Шилов В. Социальная справедливость и ее реализация в условиях социалистического общества // Научный коммунизм. – 1985. – № 6.

В редакцию материал поступил 16.08.07.